

А. А. КОСТИН, Т. В. КОСТИНА

**СТИХОТВОРНЫЙ СБОРНИК
«ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ» (1798)**

**К предыстории Вольного общества любителей
словесности, наук и художеств**

В августе 2003 г. сотрудники Отдела рукописей и редких книг библиотеки Казанского государственного университета, занимаясь выявлением книг XVIII в. в фондах библиотеки, нашли неучтенный в «Сводном каталоге книг гражданской печати XVIII века» стихотворный сборник 1790-х гг. под названием «Праздное время». Из инвентарных книг следовало, что «Праздное время» поступило в библиотеку в 1817 г., находясь в книжном собрании, подаренном университету петербургским купцом С. В. Зимняковым. Собрание Зимнякова комплектовалось бессистемно. Часто он скупал книги оптом на аукционах. Попадались устаревшие учебники в количестве более 100 экземпляров. Имея в виду эти обстоятельства, университет принял «только по одному экземпляру книг каждого названия».¹ Все собрание, подаренное купцом, состояло из 2368 сочинений в 4210 томах. Среди этих книг и затерялся 38-страничный сборник, на титуле которого значилось: Санкт-Петербург, 1798. При поступлении в библиотеку на бумажную обложку книги размером in 8° поставили инвентарный номер, а на первую страницу печать библиотеки Казанского Императорского университета.

В связи с тем что система обслуживания читателей в библиотеке не предполагает наличия на каждой книги формуляра, где могла бы содержаться информация о ее прочтении, неизвестно, была ли она востребована читателями. Но поскольку литературоведам книга не знакома, можно утверждать, что нами и была начата работа по ее изучению.²

¹ *Аристов В. В., Ермолаева Н. В.* История научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (1804—1850). Казань, 1985. С. 21.

² *Бизяева Т. В.* «Праздное время»: реконструкция культурного контекста // Г. Р. Державин в новом тысячелетии. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящен-

В первую очередь перепроверили датировку выхода в свет сборника. Хотя на титульном листе, украшенном гравюрой, стояла дата, она вызывала определенные сомнения. Титул, напечатанный на отдельном листе, на бумаге, отличающейся от бумаги основной части книги, не соединенный с остальными листами, мог быть напечатан в 1798 г., а сама книга позднее. Были изучены филигранные, на основании чего установлено, что вся книга печаталась на бумаге Ярославской мануфактуры, скорее всего 1795 г. выпуска. Абсолютно точно определить год выпуска бумаги не представляется возможным: герба Ярославля не имеется на страницах книги. Титульный лист интересен и тем, что печатной на нем является только гравюра. Название сборника, год и место издания были аккуратно вписаны. В сочетании с тем, что на книге отсутствует цензурное разрешение, это могло означать, например, что книга была отпечатана всего в одном экземпляре. Однако дальнейшие находки опровергли это предположение.

После подтверждения датировки обратились к содержанию. Сборник включает в себя 24 стихотворения без какого-либо указания на авторство. Можно с уверенностью говорить, что стихотворения «К музам», «Судьба», «Приход мая» и «К весне» принадлежат А. Г. Волкову, «К заре» и «Ручей» — В. В. Попугаеву. Эти шесть стихотворений в 1802 г. вошли в первую часть альманаха «Свиток муз», первого издания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (далее — ВОЛСНХ). «Приход мая» Волкова перепечатывался также в «Собрании русских стихотворений...» (Ч. 1. М., 1810) и в «Пантеоне русской поэзии издаваемом Павлом Никольским» (Ч. 5. СПб., 1815). Последние две перепечатки сделаны со «Свитка муз». В «Свитке муз» помещены еще два стихотворения из «Праздного времени» («Песнь к Богу» и «Сон»), подписанные инициалами «О. О.». Относительно этих стихотворений в 1899 г. И. А. Срезневский высказал предположение, что их автором является М. Олешев;³ 5 лет спустя это предположение повторил А. Г. Максимов.⁴ Никаких доводов в подтверждение своей версии Максимов не привел; В. Н. Орлов в первом издании «Поэтов-радищевцев» в 1935 г. признал ее необоснованной и предложил считать эти два стиха анонимными.⁵ Теперь, располагая данными

ной 260-летию со дня рождения поэта и 200-летию со дня основания университета (Казань, 10—12 ноября 2003 г.). Казань, 2003. С. 5—7.

³ *Востоков А. Х.* Записки А. Х. Востокова о его жизни. Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901. С. 70.

⁴ *Максимов А. Г.* Описание русских периодических изданий XIX века: Издания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств: «Свиток Муз» 1802—1803 гг., «Периодическое издание» 1804 года и «Санктпетербургский вестник» 1812 года // *Литературный вестник.* 1904. Т. 8. С. 174—175.

⁵ *Орлов В. Н.* От редактора // *Поэты-радищевцы.* Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935. С. 6.

о том, что в 1798 г. эти стихотворения были опубликованы в сборнике Волкова и Попугаева, об их авторстве можно говорить с большой долей уверенности. Дело в том, что в XIX в. сокращения типа «О. О.» отнюдь не обязательно означали имя и фамилию автора. Более того, известные по указателям псевдонимов аббревиации «О. О.» ни разу не указывают на автора с именем и фамилией, начинающимися на «О». Наоборот, две «О» оказываются взятыми из середины фамилии. Как «О. О.» обозначали себя И. М. Долгорукий, В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Остолопов, Н. А. Соколов, А. Х. Соколова; через 3 «О» — те же Одоевский, Соколов, а также В. А. Попов, а через 4 «О» — Гоголь.⁶

Сборник «Праздное время» обсуждался в ВОЛСНХ 24 ноября 1801 г.⁷ Позднее об этом будет сказано более подробно, сейчас же нужно отметить следующее: на этот момент в обществе состояло 9 человек и еще двое (А. М. Яковлев и П. М. Иванов) были приняты в этот день. Из этих 11 человек ни у одного имя и фамилия не начинались на «О» (у А. Х. Востокова на «О» начиналась настоящая фамилия — Остенек). Однако у двух членов общества два «О» можно найти в середине фамилии: у Волкова и у Востокова. Из них автором двух стихотворений с подписью «О. О.» мог быть только Волков, поскольку 24 ноября Востоков читал собственную рецензию на «Праздное время» и, значит, вряд ли мог быть одним из его авторов; более того, из воспоминаний Востокова известно, что с Волковым он познакомился только в ноябре 1801 года,⁸ т. е. публикация его произведений в составлявшемся Волковым и Попугаевым сборнике маловероятна.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о принадлежности Волкову и Попугаеву 8 стихотворений в «Праздном времени». Вряд ли когда-либо удастся с уверенностью установить авторство остальных 16 стихотворений. Во всяком случае обследование русских периодических изданий 1795—1799 гг. не обнаружило ни одного из стихотворений сборника. Однако можно сделать ряд предположений. В бумагах А. Х. Востокова хранится подготовленная Волковым и Попугаевым в 1799 г. к печати рукопись стихотворного сборника «Минуты муз». Стихотворения этого сборника до сих пор считались самыми ранними их сочинениями. На титульном листе сборника обозначено: «продолжение».⁹ С находкой «Праздного времени» загадочность этого замечания снимается: подготовленный в 1799 г. сборник «Минуты муз» служил продолжением изданного в 1798 г. «Праздного времени». Поскольку единственными авторами «Минут муз» были Волков и Попугаев, можно предположить, что

⁶ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 2. С. 280; Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 2000. Т. 1. С. 571; СПб., 2000. Т. 2. С. 584.

⁷ РНБ. ОХVIII-2. Л. 1.

⁸ Востоков А. Х. Записки А. Х. Востокова... С. 18.

⁹ ПФА РАН. Ф. 108. Оп. 1. № 155. Л. 1.

так же дело обстояло и с «Праздным временем». В таком случае обращает на себя внимание следующий факт: атрибутируемые стихотворения Волкова и Попугаева располагаются компактно, соответственно в начале и конце сборника (у Волкова — 1, 2, 4, 5, 6, 8 стихотворения; у Попугаева — 21 и 22 стихотворения). Поэтому возможно, что стихотворения в сборнике располагались следующим образом: в начале шли стихотворения Волкова, а в конце — Попугаева. Учитывая это, можно предположить, что Волков является автором стихотворений «Моя отрада» (3) и «Лизе, когда она рассердилась на поцелуй» (7), а Попугаев — стихотворений «Песня крестьянки» (23) и «Стихи в ответ девице, спрашивавшей о времени и причине моей болезни» (24). Отчасти это предположение подтверждает тот факт, что в другом подготовленном к печати сборнике Волкова и Попугаева, «Минутах муз», их стихотворения также располагались компактно: сборник открывали 3 стихотворения Попугаева, затем шли 3 стихотворения Волкова, и потом еще 6 стихотворений Попугаева.¹⁰ Однако еще в одной рукописи, включающей стихотворения этих авторов, стихотворения располагаются бессистемно.¹¹

Наконец, следует отметить, что данные титульного листа сборника соответствуют действительности, и об этом говорит не только филигрань на бумаге. Наличие сборника в книжных лавках начала XIX в. подтверждает, хотя и смутное, указание в «Опыте» В. С. Сопикова. Под № 2679 там указана книга «Время (праздное); стихотворения; СПб. 1798», в 8-ю долю листа.¹² О выпуске сборника в Петербурге в 1798 г. говорит и книгопродавческое объявление. В номере «Санктпетербургских ведомостей» от 10 августа 1798 г. было помещено следующее: «В книжных лавках у купца Ивана Глазунова в суконной линии под № 15 и против зеркальной линии под № 21 продается вновь вышедшая книжка под заглавием: Праздное время в роде Аонид, содержащая в себе разные стихотворения, 40 коп., на белой бумаге 50 коп.»¹³

Объявление это замечательно в нескольких отношениях. Прежде всего оно показывает, что сборник не только был отпечатан, но, несмотря на свой несколько кустарный характер и отсутствие цензурного разрешения, распространялся в лавках видного книгопродавца. Однако в еще большей степени обращает на себя внимание характеристика, данная в объявлении: «в роде Аонид, содержащая в себе разные стихотворения». Была ли она дана самими авторами

---

¹⁰ Там же. Л. 1—12 об. О подготовленности рукописи к печати свидетельствует не только титульный лист и цензурное разрешение на его обороте, но и слово «конец» на последнем листе рукописи.

¹¹ Там же. Л. 13—25 об. Сборник не имеет заглавия, записан на бумаге с филигранью «БАНКОВАЯ» рукой Волкова.

¹² Сопиков В. С. Опыт российской библиографии / Ред., прим., доп. и ук. В. Н. Рогожина. СПб., 1904. Ч. 2. С. 62.

¹³ Санктпетербургские ведомости. 1798. № 64. 10 авг. С. 1541.

или книгопродавцем, неизвестно, но важно, что в ней отмечены главные особенности сборника, характеризующие его на фоне поэтических изданий 1790-х гг.

Карамзинские «Аониды», как известно, — первый русский стихотворный альманах; книга как альманах и задумывавшаяся. Эта установка явна в предисловии к первой книжке 1796 г.: «Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых, мелких стихотворений, под именем „Календаря муз“ <...>; мне хотелось выдать на русском нечто подобное».¹⁴ И в этом смысле несомненно «Праздное время» — книга «в роде» «Аонид». Несравним, конечно, объем сборника и масштабы авторов «Аонид» и «Праздного времени». Однако показателен сам факт издания молодыми авторами своих сочинений в форме альманаха. И особенно примечательно, что следующий солидный альманах после «Аонид», «Свиток муз», был издан в 1802 г. теми же людьми, которые в 1798 г., во время, когда еще не была издана 3-я часть «Аонид», сделали попытку издать сборник в том же роде.

Несмотря на заверения в предисловии к первой части «Аонид», что «публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и некоторые молодые авторы»,¹⁵ альманах Карамзина задумывался как издание для «своих». Во всяком случае в одном из писем к И. И. Дмитриеву от 17 октября 1795 г., впервые сообщая о желании издавать *Аlmanac*, Карамзин пишет: «Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показаться публике <...>. Если мало наберется *хорошего*, поместим *изрядное*; но подлого, нечистого, карикатурного нам не надобно».¹⁶ Здесь имеются в виду в первую очередь Клушин, Тимковский и другие авторы «Санктпетербургского Меркурия», критике которых в значительной степени посвящены письма Карамзина первой половины 1790-х гг. Форма альманаха позволяла, таким образом, представить творчество нескольких человек делом коллективным и соответствующим определенной программе. С другой стороны, в отличие от номера периодического издания в альманах включались произведения, специально отобранные и специальным образом расположенные. Композиция сборника, таким образом, должна рассматриваться едва ли не более пристально, чем отдельные входящие в него стихотворения.

Если говорить о композиции «Аонид», в первую очередь отмечается неорганизованность этого сборника. Из возможных форм организации — жанровой и авторской — не соблюдена ни одна. За мадригалом может идти философская медитация; за басней — подносное стихотворение, сменяющееся эпиграммой, а за ней — снова

¹⁴ Аониды. М., 1796. Ч. I. С. III.

¹⁵ Там же. С. IV.

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 61.

басня. Кажущийся сумбур подобной организации между тем отражает важнейшую тенденцию в составлении стихотворных сборников 1790-х гг. На смену жанрово организованным («Оды духовные», «Оды торжественные», «Елегии» и т. д.) приходят сборники беспорядочные. Лучше всего это можно увидеть на примере сборников, в которые включались произведения всевозможных жанров, от од до эпиграмм. Самым ярким примером служат «И мои безделки» Дмитриева. По сути, в такие же еще одни «безделки» превратилась изданная при участии Карамзина 1-я часть «Сочинений Державина» 1798 г. Главная претензия Державина к этому изданию, высказанная в «Предуведомлении к читателю», касалась как раз композиции: «безо всякого разбора размещены были и внесены такие [сочинения. — А. К.], которым в первой части или совсем напечатанными быть не следовало».¹⁷ Неоднозначное отношение к таким беспорядочным сборникам проявляется не только в этой характеристике Державина или в том, что все свои следующие собрания сочинений Дмитриев компоновал по жанровому принципу. Уже в 1790-х гг. один и тот же автор мог издать свои произведения как беспорядочно, так и жанрово. Так, в 1793 и 1795 гг. вышли во многом повторяющие друг друга сборники кн. Г. А. Хованского (из 107 стихотворений второго 64 были взяты из первого).¹⁸ И если произведения в более раннем расположены беспорядочно, то в более позднем сборнике явно прослеживается жанровый принцип группировки: переводы, басни, сказки, эпиграммы, стихи подносные и т. д. Однако, несмотря на такие колебания, можно отметить целый ряд сборников 1790-х гг., организованных беспорядочно: «Распускающаяся роза» А. П. Мурзиной (М., 1799); «Плод свободных чувствований» П. И. Шаликова (Ч. 1. М., 1798); «Мелкия стихотворения: оды, идиллии, эпиграммы и проч.» кн. А. И. Голицына (М., 1798). В разделе «Разные стихотворения, сочинения и переводы» во втором томе собрания сочинений А. И. Голицына (М., 1799) беспорядок 35 составляющих его стихотворений подчеркнут строгостью краткого оглавления: «Ода <...> императору Павлу Петровичу / Паперов ручеек, белыми стихами <...> / Тот же в стихах / Загадки / Мелкия стихотворения». Между тем два перевода «Ручейка» разделены 17 страницами (89 и 107 соответственно) и 22 стихотворениями; после 4 замыкающих сборник загадок не находим «мелких стихотворений», зато еще одна загадка имеется в середине сборника (С. 108), а «мелкие стихи» (эпиграммы, подписи к портретам и т. д.) разбросаны по всему сборнику. Такой же подчеркнутый оглавлением беспорядок обнаружится в 1801 г. в книжке одного из авторов «Праздного времени» В. В. Попугаева — «Минуты муз» (СПб.): к не организованной и без того книжке

¹⁷ Державин Г. Р. Сочинения Державина. М., 1798. Ч. 1. С. III.

¹⁸ Хованский Г. А. 1) Мое праздное время или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах. СПб., 1793; 2) Жертва музам или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах. М., 1795.

приложено оглавление, расположенное не по порядку страниц, а по алфавиту заглавий произведений.

Отказ от систематизации стихотворений внутри сборника делал менее явными границы жанров, уравнивая их. Именно этой беспорядочности «Аонид», принципу сборника нескольких авторов, следовали Волков и Попугаев, издавая как свою первую книжку, так и готовя вторую, оставшуюся неопубликованной, и, возможно, третью. Однако показательна скорее не беспорядочность текстов (в конце концов, сборник традиционно открывается стихотворением на «духовную» тему «Песнь к Богу», после чего следует носящее программный характер «К Музам», а замыкают сборник альбомные «Стихи в ответ девице, спрашивавшей о времени и причине моей болезни»). В еще большей степени, чем беспорядок произведений в сборнике, отказ от жанровой системы обнаруживается в появлении в 1790-е гг. сборников, целиком составленных из стихотворений, которые в устоявшейся жанровой системе собраний сочинений были бы отнесены к разделу «Разные стихотворения» («Смесь», или «Лирические мелочи», как обозначил их В. В. Капнист). Причем на первый план выходят не традиционные в таких случаях короткие «надписные» или салонные стихотворения (эпиграммы, эпитафии, мадригалы, рондо и т. д.), а короткая лирика, в первую очередь дружеские послания и широко понимаемая анакреонтика. Особенно показателен в этом отношении стихотворный раздел первого издания (1794) «Моих безделок» Карамзина, в котором мы не встретим ни од, ни эпиграмм или мадригалов и только одну эпитафию (на самом деле пять, но сводящихся к одной: «Покойся, милый прах, до радостного утра»). В этом смысле подзаголовок «разные стихотворения», использованный Карамзиным для «Аонид» и встречающийся в заглавии ряда других сборников (уже упоминавшиеся «Разные стихотворения, сочинения и переводы» А. И. Голицына, «Разные стихотворения» Д. В. Голицына), употреблен также и для характеристики «Праздного времени» в книгопродавческом объявлении, — следует понимать как жанровую (неопределенно-жанровую) характеристику. В «Праздном времени», как и в «Моих безделках», нет ни од, ни эпиграмм и только одно подносное стихотворение.

Имеется и еще одно обстоятельство, роднящее «Праздное время» с «Аонидами». Как известно, во второй части «Аонид» (1797) впервые была употреблена литера «ё» (она же имеется в более поздней перепечатке первой части, а также в неопределенной по времени перепечатке «И моих безделок» И. И. Дмитриева). В примечании к слову «слёзы» в стихотворении «Опытная соломонова мудрость» сказано: «Буква е с двумя точками наверху заменяет ё». ¹⁹ Как отмечает Н. А. Еськова, «Эта буква употребляется последовательно во всех рифмующихся словах с [о] после мягких согласных под

¹⁹ Аониды. М., 1797. Ч. 2. С. 176.

ударением».²⁰ Это замечание немаловажно, поскольку диграф «iō» мог употребляться и употреблялся (например, у Хованского) и в середине стиха. Более того, в перепечатке «И моих безделок» можно встретить несколько напечатанных через «ё» слов «всё» в середине стиха и даже слово «безсмёртна» в начале. Однако Карамзин сознательно ограничивает употребление этой буквы ударной рифменной позицией, и только в тех случаях, когда нужно избежать произнесения рифм вроде «слезы—розы» (т. е., например, в парных глагольных рифмах «ё» не ставится). То, что «ё» употреблялась Карамзиным только для рифм, особенно отчетливо видно, когда на одной странице употреблена рифма с «ё» и требующее «ё» слово в середине стиха, напечатанное через «е». Например, в стихотворении «Лилея»:

И тихий ветерок
Ко мне склоняет стебелёк.²¹

Но:

Стою печально, слезы лью.²²

Такую же функцию «ё» принимает и в «Праздном времени». Из 11 случаев, когда в сборнике встречается рифма типа «слезы—розы», в 7 употреблена «ё»; в середине стиха «ё» не употребляется. В трех случаях из 7 «ё» употреблена для обозначения [о] после шипящих, чего не было у Карамзина: «ручeёк—лужeёк» (С. 15), «голосок—дружeёк» (С. 19) и «мой—душeёй» (С. 22). Интересно, что все случаи, когда на месте с возможной «ё» в рифме употреблена «е», располагаются в конце книги (С. 28—35). Можно было бы предположить, что здесь видна иная авторская воля, тем более что, как было сказано раньше, автором первой части сборника является, видимо, Волков, а второй — Попугаев (один из текстов, где «ё» не употреблена — несомненно попугаевский («К заре»)). Однако в подготовленном самим Попугаевым сборнике «Минуты муз» (СПб., 1801) литера «ё» употребляется точно так же, как и в «Праздном времени». Объясняется такая ситуация, видимо, следующим образом. Книжка «Праздного времени» состоит из двух тетрадок: в 12 листов (С. 3—26) и в 6 листов (С. 27—38). Поскольку все случаи неупотребления «ё» на месте «е» располагаются на страницах второй тетрадки, следует предположить, что обстоятельства набора листа и полулиста различались, поэтому на полулисте точки над «е» проставлены не были. Таким образом, авторов «Праздного времени» можно считать одними из первых, принявших орфографическое предложение Карамзина, более того, оно было ими

²⁰ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965. С. 472.

²¹ Карамзин Н. М. Мои безделки. Изд. 2-е. М., 1797. Т. 2. С. 168.

²² Там же.

творчески преобразовано. Кроме того, следует считать «Праздное время» первой книгой с литерой «ё», отпечатанной в петербургских типографиях.²³

Наконец, можно высказать предположение о том, какую роль сыграло «Праздное время» в составлении первого сборника ВОЛСНХ «Свиток муз» и почему из «Праздного времени» были отобраны в «Свиток муз» шесть стихотворений Волкова и только два — Попугаева. Указание на «Праздное время» встречается в самом раннем известном документе о деятельности ВОЛСНХ, протоколе заседания от 24 ноября 1801 г., где под первым номером читанных сочинений значится следующее: «Принесенные Востоковым замечания на пиесы из „Праздного времени“ и на две новые пиесы Волкова».²⁴ Здесь нужно сказать несколько слов о том, что нам известно о самом раннем, документированном *postfactum* этапе деятельности общества. Источниками здесь являются истории общества, написанные Востоковым и Попугаевым для 1-го номера предпринятого обществом «Периодического издания», речи И. М. Борна и Попугаева на торжественном заседании 15 июля 1802 г. в честь ознаменования 1-го года существования общества, характеристики на его участников, а также несколько отрывков из различных воспоминаний. Общество было организовано усилиями его идейных вдохновителей Борна и Попугаева, и на первом его заседании 15 июля 1801 г. участвовали еще четверо их сотоварищей по Академическому университету, В. В. Дмитриев, А. Г. Волков, В. И. Красовский и М. К. Михайлов (все шестеро закончили гимназию или университет в период с 1793 по 1799 г.), а также некто Ланген. За 4 месяца, предшествовавшие заседанию 24 ноября, общество пополнилось еще двумя членами: выпускником кадетского корпуса С. А. Шубниковым (21 сент.) и его другом, недавно закончившим Академию художеств А. Х. Востоковым (27 окт.). По сведениям Попугаева и Востокова, в период до 15 октября прошло не менее 9 заседаний, на которых было зачитано 8 прозаических сочинений и несколько стихотворных. С 15 октября в течение почти полугода секретарем общества был Волков. На заседании 24 ноября было решено «для большей удобства разделиться Обществу на два собрания: 1) собрание для словесности и наук; 2) для управления общественных занятий и исключительного занятия по части отвлеченных познаний. Последнее имело в виду начертание общественного статута».²⁵ В период секретарства Волкова

---

²³ Типография на титульном листе не указана. Рисунок литер показывает, что это не шноровский шрифт; просмотр дел Типографии Академии наук за 1798 г. (ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 96, 98/1, 98/2) показал, что книгу не печатали и в этой типографии.

²⁴ РНБ. О. XVIII. 2. Л. 1.

²⁵ *Попугаев В. В.* История общества любителей словесности, наук и художеств // Периодическое издание Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1804. Ч. 1. С. IV.

обществом было принято решение «издать некоторые из своих поэтических пьес под названием „Свитка муз“». ²⁶

В свете этих данных связь «Праздного времени» со «Свитком муз» предстает следующим образом: на следующем за 24 ноября заседании общества, протокол которого до нас дошел (5 января), Востоков представил «эскиз для виньета к издаваемой обществом книге». ²⁷ Значит, уже в декабре работа над «Свитком муз» велась, и решение о его издании было принято в период с октября по декабрь. Совпадение даты первого дошедшего до нас протокола ВОЛСНХ со временем разделения общества на два отделения может говорить о следующем: протоколы первого года, содержащиеся в сборнике, хранящемся в РНБ, отражают деятельность только «собрании для словесности и наук»; никаких замечаний о работе над «статутом», входившей в компетенцию «собрании для управления общественных знаний», в них не находится. Возможно предположить, что разделение на два отделения было связано не только с началом разработки устава, но и с работой над первым изданием общества. В таком случае прочитанные на первом заседании специально выделенного отделения словесности замечания Востокова на «Праздное время» приобретают особое значение. «Праздное время» являлось ранним опытом сочинения в том же роде, что и задумывавшийся «Свиток муз». Поэтому его и отдали в первую очередь на рецензию третьему, помимо Волкова и Попугаева, члену общества, имевшему на тот момент стихотворные публикации, — Востокову. «Праздное время» оказывалось, таким образом, предшественником «Свитка муз», прародителем изданий общества. Отбор восьми стихотворений из «Праздного времени» для «Свитка муз» был произведен Востоковым. И то, что отобрано было шесть стихотворений Волкова и только два — Попугаева, вполне соответствует отношению Востокова к этим двум поэтам. Известно, что Востоков, по крайней мере в 1801—1806 гг., очень высоко отзывался о поэзии Волкова. Так, в рецензии от 24 мая 1802 г. о волковском переложении Горация «К Мельпомене» он говорит: «Сия Горациева ода, асклеиадическим размером писанная, переведена весьма удачно. Рецензент не может удержаться, чтобы не прочесть некоторые поразившие его места». ²⁸ Тот же перевод из Горация Востоков привел в качестве примера «асклеиадических стихов» в примечаниях к своим «Опытам лирическим» (Ч. 2, 1806). В декабре 1802 г. Востоков написал стихотворное послание Волкову, характеризуя его как «друга» и «милого певца» с «анакреоновой лирою». С другой стороны, в кругу близких друзей Востокова Попугаев воспринимался как образцово плохой поэт. Так, в письме из Москвы по поводу выхода первой части

²⁶ Там же. С. VI—VII.

²⁷ РНБ. О. XVIII. 2. Л. 1 об.

²⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 3. С. 66.

«Свитка муз» И. А. Иванов писал Востокову: «Как я радуюсь друг мой, что Свиток Муз публикует теперь талант твой всему свету; Карамзин <...> прочитает <...> и будешь ты у него на примете, потому что ты не князь Петр Шаликов, не Клушин, не Фаняев, не Попугаев, но истинный — Остенек».²⁹ В числе тех же рецензий 1802 г., из которых был цитирован отзыв о Востокове, есть рецензии и на сочинения Попугаева, крайне неодобрительные, подчеркивающие нерадение автора обрабатывать стих. В частности, в «Свиток муз» было включено стихотворение с тем же недостатком, который Востоков отмечал, разбирая не дошедшее до нас стихотворение «К Аннете»: «Второй строфы первый стих

Заря вечерняя восходит.

Даже утренняя заря восходить не может, кольми паче вечерняя. Солнце, луна и звезды восходят и закатываются, а заре свойственно только являться и угасать на небе».³⁰

Во взятом в «Свиток муз» из «Праздного времени» стихотворении «К Заре» в начале второй строфы читаем: «Едва взойдешь ты, оживятся // Поблекши розы от жаров». О замечаниях, представленных Востоковым на «Праздное время», можно судить по изменениям, внесенным в тексты из этого сборника при их перепечатке в «Свитке муз». Правка эта касалась большей частью пунктуации, но были сделаны и значимые изменения. Характер этих изменений показывает, что к стихотворениям Попугаева было предъявлено значительно больше замечаний. В шести стихотворениях Волкова (172 стиха) изменения были сделаны всего в семи стихах, причем большей частью они касались изменения части речи («сладостно» вместо «сладостью») или порядка слов («дни юности моей» вместо «моей дни юности»), а замена слов происходит лишь дважды («огнем чистейшим он горит» вместо «Он нежным пламенем горит» и «зажемчужив волны вокруг» вместо «зажемчужив волны вдруг»). На фоне таких изменений, которые можно назвать незначительной стилистической правкой, редакция стихотворений Попугаева предстает достаточно значительной: в двух стихотворениях (60 стихов) редактуре подверглось девять стихов, т. е. больше 10 %. И в отличие от стихотворений Волкова почти во всех случаях редактур затрагивает замену лексем («отливаешь» вместо «отражаешь», «лазури легкия цветит» вместо «лазури тихие цветит» и т. д.). Механичность правки, не отражающей авторскую волю, показывают изменения одного стиха в стихотворении «К заре». В редакции «Праздного времени» он читался так: «Ты чувства мне, мой ум пленяешь». Востокова не устроило, по-видимому, соседство двух местоимений

²⁹ Востоков А. Х. Записки Востокова. С. 70.

³⁰ ЖМНП. 1890. № 3. С. 66.

первого лица, и он заменил «мне» на «все», отказавшись от слова ум. «Мой» в таком случае должно было замениться на «мои», однако соответствующего знака поставлено, по-видимому, не было, в результате чего у наборщика вышло: «Ты чувства все мой пленяешь». В свете этих отзывов можно считать, что для раннего периода общества Волков был поэтом более важным, чем Попугаев. Это объясняет, почему в «Свитке муз» стихотворений Попугаева помещено всего 5, а Волкова — 17, больше всех остальных авторов (у Востокова — 13).

Таким образом, сборник «Праздное время» позволяет по-новому взглянуть на ранний этап деятельности ВОЛСНХ.

В Приложении приводим текст «Праздного времени». Публикация осуществлена в современной графике и без еров после согласных в конце слова, в прочем сохранена орфография и пунктуация оригинала. В случаях, когда публикация в «Свитке муз» содержит семантически важные разночтения, они отражаются в примечаниях. Начало страниц сборника обозначено числами в косых скобках. В конце восьми атрибутируемых стихотворений приводится автор, в случае гипотетической атрибуции — в квадратных скобках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРАЗДНОЕ ВРЕМЯ

С. Петербург
1798

/3/

ПЕСНЬ К БОГУ

Хвала да будет вознесенну
В соборе вышнем горних сил,
Кто цепь связующу вселенну,
Всемощной силой утвердил.

Кто дивностью своих деяний,
Уму людей непостижим,
В заре божественных сияний,
И неприступном свете зрим.

Да возгласим хвалу владыке,
Огромным гласом на трубах
Во псалмопении, музыке,
В бренчащих сладостью³¹ гусях!

³¹ В «Свитке Муз» (далее — СМ): сладостно

На звучных да зовем тимпанах,
Прияв пирующих лица,
Ударив в струны, на органах,
Возхвалим щедрого Творца.

/4/

Да звучные составят хоры
Твердь, воздух, горы, лес, моря.
Да твердь, моря, лес, воздух, горы,
Возхвалят с нами сил Царя?³²

[Волков]

К МУЗАМ

Тениста роща, злачный луг,
Как милы сердцу вы Поэта!
О! как его плените дух,
Среди весны и красна лета!
Забывши в вас пространный свет,
Он в руки лиру принимает,
При шуме ручейка играет,
И голос соглася поет:

Блистая храбрости лучем
Пускай дорогу в веки поздны,
Отворит пламенным мечем,
Герой любимец Марса грозный;
Желая славы гром простерть,
Пусть грады в прах преобращает,
/5/

И Этны огонь в груди питает —
Колебля сушу, море, твердь.

Но ваш приверженец Пиит,
Сей славы музы! не желает.
Он нежным пламенем³³ горит
И сердце нежных согревает;
Далек от грома, страшных бурь —
Собой доволен и судьбою,

С весельем видит над собою
Небес немеркнувшу³⁴ лазурь.

---

³² По-видимому, опечатка; СМ: Царя.

³³ СМ: Огнем чистейшим он

³⁴ СМ: немеркнушу

Я вашу благодать ощутил,
О музы! Божества благия!
Ваш луч небесный озарил
Моей дни юности³⁵ драгия. —
Не вами ль прежде научен
Прельщаться истинной святою?
Цветущей счастья стезёю
Не вами ль после был веден?

Блажить свою и в *малом* часть,
О *многом* — лишнем нетерзаться —
/6/

Не выль в меня влияли страсть,
Природе милой удивляться;
Любить приятную мечту —
На лире петь с душой согласной
То взор Анютушкин прекрасной,
То Лизы-друга, красоту!

Волков

МОЯ ОТРАДА

Вид стыдливый, щек румяность
Стройный стан, и величавость,
Голос нежный, томный взгляд
И улыбка — сладкий яд —
Вот меня что в ней прельщает,
Страстны чувства восхищает! —
В ней — а в ком — уста молчат —
Тяжки вздохи грудь теснят. —
Ах! когда пройдет страданье,
И окончится терзанье
Бедна сердца моего!—
Скороль я дождусь сего?
Скороль гневная судьбина
/7/

Бедств моих вина едина
Скороль перестанет гнать?
Долголь, долголь сего ждать?
Долголь ждать сего напрасно
И терзаться повсечасно? —
Сердце бьется — слезы льют —
Знать предчувствие дают,

---

³⁵ СМ: Дни юности моей

Что я буду злополучен
Сколько век продлится скучен,
Беспреданно, в свете сем. —
Вот конец мученьям всем! —
О! скорей закройтесь вежды!
Уже нет мне и надежды,
Чтоб когда счастливо жить,
Чтоб когда спокойну быть.
Смерть спеши столь вожделена!
Мне несносна уж вселенна! —
Перерыви о парка нить! —
Жизнь! престань меня томить! —
Все теперь уже свершилось;
Все прешло, чем сердце льстилось!
Вечность! Ты отрада мне!
Дух утешится в тебе. —

/8/

СОН

Амур мой враг непримиримый,
Мучитель сердца моего,
Ты дал мне зреть предмет любимый
В мечтанье лестном сна сего;
Минуту дал мне насладиться
Его любовьию во сне;
Чтоб после тем сильней томиться,
Чтоб больше тем терзаться мне!

О сон толикож днесь ужасный,
Сколь прежде бы любезен был!
Ты мне напомнил взор прекрасный,
Который я почти забыл.
Мне, друг мой Лизинька, мечталась
Ея мне снилась красота, —
Она со мною обнималась,
И я — лобзал ея уста.³⁶

В пастушеском она наряде,
Была как Ангел, мне мила —
Невинность, кротость в каждом взгляде,
/9/

Как луч небес — видна была;
Венок из алых роз блистая,

³⁶ СМ: ея в уста

На русых волосах лежал,
Зефир прохладный вокруг играя
Их длины кудри разведал.

Подруг своих она с толпою,
Где я сидел, в ту рощу шла,
Когда ж была передо мною
Им знак уйти рукой дала.
Они ушли — и я остался —
Остался с ней на едине —
Ах! чем тогда я наслаждался!
Но наслаждался — лишь во сне.

[Волков]

СУДЬБА

Под мрачным небом странник плыл
Необозримыми морями,
Сражался с бурями, волнами,
От смерти — лишь на волос был;
/10/
Водим неведомой судьбою,
Желанна берега достиг. —
Лишь шаг на брег — и под волною
Его на век скрывает — миг.

Подобно с страстию, несчастный!
То раб ея, то властелин —
Боролся не³⁷ год один;
И наконец — зрел полдень ясный.
Уже победы луч блистал —
Лишь миг — навек проститься с нею —
И гром трикраты³⁸ прозвучал:
Простись на век с душой твоею.

Волков

К ВЕСНЕ

Приди весна, приди скорее!
Тобою наша жизнь цветет,
И сердце бьется в нас живет
И кровь приятнее течет. —
Сколь любо взору заблуждаться

---

³⁷ По-видимому, опечатка; СМ: боролся я не

³⁸ СМ: трикратно

/11/

На разноцветных берегах!
Сколь сладко нам уединяться,
В дубровах темных и лесах!
Гулять в лугах, лугах священных
Струящих сладкий Аромат,
Кустами мирты обнесенных,
Зеленой рощей, для прохлад;
Увенчанных³⁹ вокруг цветами
Прельщающими жадный взор;
Прикрытых темными холмами,
А дале рядом синих гор!
Приди весна, приди скорее!
Тобою наша жизнь цветет,
И сердце бьется в нас живее,
И кровь приятнее течет.

Волков

/12/

К ЛИЗЕ

Когда она разсердилась за поцелуй.

Жестоко! милая жестоко,
Так с сердцем нежным поступать!
Далёко! милая далёко!
Чтоб мне тебя не обожать!

И чем тебя я оскорбляю?
И чем почтенья не храню? —
Что в шутках нежно обнимаю,
И поцелуй тебе даю!

То правда! Эта с лишком вольность! —
Ах Лиза! чем я заслужил,
Скажи! — сию к себе холодность?
И чем в любви я преступил? —

Любовь тебя ведь не напрасно
Столь милою произвела;

/13/

Грудь полную, лице прекрасно,
Улыбку Ангельску дала;

---

³⁹ СМ: Увенчанной

Но что бы ты, признав любимым,
Кого нибудь, душа моя,
На веки сделала счастливым —
За чем же нелюбить меня?

ПРИХОД МАИЯ

Что вокруг все так смеется,
Все веселью предается,
Возхищает сердце, дух;
Взор пленяет, нежит слух? —
И заря поверх долины,
Озлативши гор вершины,
Так румяна, так ала,
По лазури возтекла?
И росой серебристой
О жемчужив луг цветистой,
Тихо так, и так светло,
Утро красное вошло?
/14/
Что природа так играет
Взор умильно ослабляет?
Май, природы нежный друг —
Низлетел на красный луг.
С ним забавы низпустились,
Игры, пляски возвратились; —
В полном блеске нам⁴⁰ весна
С ним, сошла, обручена. —
Ктож теперь неумягчится,
И природой непленится!
Сердце камень укого,
Зря на прелести всего? —
Ктож с любезными друзьями,
Кто поспешными шагами,
Непойдет весны встречать —
Жизни сладость ощущать: —
То под тению густою,
Утра, вечера зарёю,
Близь шумящаго ручья,
Песнь внимая соловья;
То гуляя красным лугом,
Иль один, иль с милым другом,
По пестреющим цветам,

---

⁴⁰ СМ: блеске к нам

/15/

И по злачным берегам;
То с вершины в утро ясно,
Возходяще солнце красно,
То за синия моря
Заходяще солнце зря;
То в струях прозрачных, чистых,
Под навесом древ ветвистых
За жемчужив волны вдруг⁴¹ —
Веселя прохладой дух?

Волков

К РУЧЬЮ

Журчи, журчи пенистый
В низ холма ручеёк,
Кати свой ток волнистый,
И окропляй лужёк.

В струях прозрачных, чистых
Лучи переливай;
Сверкай в дугах сребристых,
И зреньё восхищай.

/16/

Приятно в утро красно
В близи тебя лежать,
И пенье птиц прекрасно
В безмолвии внимать!

Приятно в полдень ясный
В близи тебя сидеть,
На солнца лучь прекрасный,
В струи твои смотреть.

Иль в вечера румяны,
Играющей зарёй,
На облака багряны
Текущи над тобой.

Как мило в тихой роще
Ручей мой дорогой,
При свете лунной ноши
Беседовать с тобой!

---

⁴¹ СМ: Зажемчужив волны вкруг

В шуму твоём приятном
Как мило отдыхать!
На ложе ароматном
С Анютой засыпать! —

/17/

К ПРИРОДЕ

О мать, любезная природа!
Ты всем любовь в удел дала.
Со всеобъемлющего свода,
На все любовь ты излила.

На свете все любовью дышет,
Сей огонь питает каждая грудь.
На всех сердцах закон твой пишет:
«В любви взаимной счастлив будь!»

Природа! и в мое влияла
Ты, сердце, огонь священный сей
Живым перстом нарисовала
На нем предмет души моей.

Но ах! хотя любовь влияла,
Но друга сердцу не дала —
Душа предаться ей желала,
Взаимной страсти не нашла.

/18/

ПЕСНЯ

От наших юных лет прекрасных,
С зарей весенних наших дней,
Фимьям сердец возкурим страстных,
Любви пожертвуем душой.

Начнемте наших дней с зарею
Счастливыми на свете быть,
Начнем, одушевляясь ею,
Ее, — любовь боготворить.

Не вечно юность продолжится,
И наших дней весна минет;
Там осень мрачная явится;
Там смерть ко гробу позовет.

О други! вняв судьбину люту
Что всем нам должно умереть;
Что жить на свете лишь минуту,
Мгновенье юности блеснуть.

/19/

Ещель мы станем время тратить,
Любви сердец не посвящать?
Любовь стократ тому заплатит,
Кто долго смел ее незнать. —

ВЕЧНАЯ РАЗЛУКА

Мрак унылый пропадает,
Зеленеются леса,
Блеск румяный покрывает
Удаленны небеса.

В тихой роще раздается
Сладко-томный голосок;
Сердце нежно, страстно, бьется,
Кля! милюшкой дружёк.

Под березкою ветвистой
Я сижу, душа моя,
И в источник серебристой
Проливаю слезы я.

/20/

Ах! терзаюся, томлюся
Я почти уж целый год. —
И всегда, всегда сажуся
Близь его прозрачных вод.

Тут, глядя на цвет природы,
Тяжко, тяжело воздохну,
И свои цветущи годы
С стоном я вспомяну, —

Те любезны, те блаженны,
Как любви я не знал,
Те, спокойством осененны
Как тебя я не видал.

Муку зря мою всечасну
Кля! от твоих зараз,
Ах! почувствуй ты к несчастну,
Сожаленье хоть на час;

Чтоб на век с тобой растаться,
Чтоб на век *прости* сказать,
Дай хоть раз поцеловаться,
Дай к груди себя прижать.

/21/

ПЕСНЯ В РАЗЛУКЕ

Что так все переменялось?
Свет пространный опустел,
Солнце красно помрачилось
Свод лазурный потемнел?

Что так я переменялся,
И печален и уныл?
Чем бывало веселился:
Петь на лире позабыл.

Дух тоскует и томится,
Сердце ноет и грустит,
За слезой, слеза катится
Вздых за вздохом грудь теснит?

Я разстался с другом милым,
Разлучился с дорогой;
Как же мне не быть унылым,
Как же слез не лить рекой?

/22/

Ах! разставшись с другом нежным,
Разлучившись с дорогой,
Я разстался с счастьем прежним
Нет уж, нет его сомной!

Скрылся взор любезный, скрылся,
Скрылся с ним и Гений мой;
Он с любезной удалился,
Вместе с ней, моей душой!

К КЛОЕ

Сладко дремлет вокруг природа
под покровом тишины,
Чуть с лазореваго свода
Слабый блещет свет луны.

За горой в дали чернеясь,
Лес недвижимо стоит,
Вниз холма ручей светлеясь,
В тихой роще нежурчит.

/23/

Все спокойно на долине,
Все безмолствует, молчит.
Все спокойно — лишь в куртине
Соловей один свистит.

Вкруг подружки увиваясь,
Песнь прелесную поет,
Коя в долах разливаясь,
Сердце к радости зовет.

Но уж мнелъ тобой плененну,
Кляя! веселит он дух?
Сердца рану разстравленну
Изцелит ли милой друг?

Статься может, что иную,
Мог бы сей небесный глас,
На минуту на другую
Усладить, смягчить на час.

Так иную — но мою ли?
В сердце страстном как моем?

/24/

Ах! кого винить судьбу ли,
Иль тебя, о Кляя! в сем?

Нет! он боле разстравляет; —
Боле дух томит лишь мой,
Ах! всю нежность возбуждает,
Всю чувствительность собой.

Сколь блаженны вы минуты
Были юных лет моих,
Сколь теперь напротив люты
Лет цветущих пылких сил!

Но о Кляя! можно, можно
Их не только возвратить,
От тебя зависеть должно,
В рай мученье пременить.

Стоит Кля только слова
То тебе, мой милый друг;
Ах! небудь, небудь сурова,
Оживи унылый дух.

/25/

Сердце билось трепетало,
То тебе произнести;
Но мученье принуждало
Кля! страсти ты прости!

СОЛНЦЕ

Здравствуй, солнышко прекрасно!
Выдь скорее из за гор,
Все давно в природе страстно,
Твой желает видеть взор.

Радуйся мой друг природа!
Будет ясная погода,
Солнышко изшед из вод,
Золотит лазурный свод.

Здравствуй гордое светило!
Здравствуй с новою красой,
Все что сердцу столько мило
Оживилось все тобой,

/26/

Здесь тюльпан в росе блистает,
И жесмин благоухает;
Там лилея возбудясь,
В верх головкой поднялась.

Пойте птички сладкогласны,
Поздравляйте с солнцем день.
Пастухи, пастушки страстны,
Шествуйте сюда под тень.

Затевайте игры прежни,
Запевайте песни нежны,
Утро мило боле длись
Сердце нежно веселись!

ПЕСНЯ

День желанный наступает,
Солнце взходит в горизонт,

Скучны мраки прогоняет,
Освещает земли, понт.

/27/

Всюду сыплет искры, блески,
Разцветает поле, луг;
Слышны всюду радость, плески
Возхищающие дух.

Все вещает — день любезный!
Все вещает — день золотой!
И природы вид небесный,
Взор опять пленяет мой.

Я опять в лугу гуляю,
И опять сижу в траве;
То с любезной отдыхаю
На зеленой мураве.

Вкруг меня благоухает,
Милый розан и Жесмин,
Сладкогромкий, распевает,
Соловей среди долин.

О! день милый, день любезный
Сколь меня ты веселишь!
В сердце льешь возторг небесный
Жар в душе моей родишь.

/28/

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛИЗЫ

Златое солнце возкатилось
И день любезный наступил;
Все в поле, в роще обновилось,
Все солнцев луч позолотил.

Опять Зефир в лугах порхает,
Разносит сладкий аромат,
Опять Жесмин благоухает,
Обворожает розан взгляд.

Несутся всюду сладки трели
Прелестных, милых соловьев.
Повсюду слышатся свирели,
И гласы томных пастухов.

Какая радость все объемлет
И всю природу веселит?
Что так все светлый вид приемлет
В душе, в уме возторг родит?
/29/

Сей день, есть день вспоминовенья
Рожденья Лизиньки моей.
О день возторга, возхищенья!
О день приятнейший из дней!

К ВЕСНЕ

Веют на поле зефиры
Стала травка зеленеть,
Фавны начали, сатиры
На свиреле томной петь.

Глас их милый раздаётся
Вдоль по роще, вдоль лугов,
Всюду томная несётся
Трель любезных соловьев.

Бог любви на лужечке
Прежний скипетр восприял,
И в последнем мотыльчке
Страсти пламень возпылал.

Мое сердце затомилось,
Я любовью загорел.
/30/
Ах! по ком оно забилося? —
В поле Машиньку я зрел.

Зрел ея небесны взоры,
Нежных граций видел грудь,
И походку Терпсихоры
Мне твердящу, счастлив будь.

Тут я с нею обнимался,
Ее страстно целовал,
Вид природы улыбался
И со мной торжествовал.

О весна! весна драгая!
Сколь любезна ты, мила!

Ты мой взор увеселяя,
Что любовь, мне знать дала.

Все с тобою оживилось
Снова начал я дышать;
Все любовью взпламенилось,
Стало радости вкушать.

/31/

ВЕЧЕР XI

Оставил Феб лазурны своды,
И луч в водах свой потушил,
Исчезли прелести природы,
Мрак скучный землю всю покрыл.

Ни зéфир дуть, ни Эвр не смеет,
Все в мире тихо, все молчит,
Все томный, скучный вид имеет:
Источник быстрой не журчит.

Неслышны птички голосисты,
умолкнул милый соловей,
И глас его прелестный чистый,
Нетрогает души моей.

Во сне все сладком почивает,
Все долг природе отдает;
Ни что не плачет, не вздыхает
Мое лишь сердце слезы льет.

Пред сим я за день видел Клою,
Ея красой был поражен,
И с оных пор лишась покою,
Печален сделался, смущен;

/32/

Ни в чем не вижу утешенья,
Всегда страдаю и стону,
Питаю в сердце злы мученья,
И жизнь злощастную кляню.

Все мне печально, все уныло,
Лужечек скучен и ручей,
Все что приятно сердцу было,
Нынь служит к скорьбе лишь моей.

Под тихим миртовым кусточком,
Где тихий ручеек журчит,
Вияся золотым песочком,
Лужек струей своей росит,

Там часто в летние денечки
Я с милой Лизою бывал,
Весенни часто вечерочки
На травке с милой провождал.

Казалось, все тогда твердило,
Что счастлив я стократно был,
Все, все казалось говорило,
Сколь страстно Лизу я любил.
/33/

Но время оное драгое
Туман как вешний протекло,
Печалей облако густое
В востоке дней моих взошло.

Нынь стражду, мучуся, вздыхаю,
Всегда стенаю и грущу,
Но слезы тщетно проливаю,
Увы! отрады не сыщу.

Уже не ходит на гуляньях
Моя любезная со мной,
Ужь время в смехе, в возклицаньях
Непровожу с моей драгой,

Немил лужек зеленый боле,
Лесочик скучен и ручей,
В несчастной я влачу дни доле,
Скучаю жизньнюю своей.

Мне мила Лиза изменила,
Нехочет более любить,
Меня навеки позабыла,
Ах! как могу я доле жить?

Драгая, милая подруга
 Приятных вечера теней,
 Как мило зреть на дерне луга
 Твоих сияние лучей!
 Как мило зреть, когда блистаешь
 Ты в легких вечера парах,
 Кораллы, пурпур отражаешь,⁴²
 Пылаешь в розовых огнях!
 Когда твой луч злато-румяный
 Лазури тихие⁴³ цветит;
 То вдруг приемлет вид багряный;
 То светло⁴⁴ яхонтом горит!

Едва взойдешь ты, оживятся
 Поблекши розы от жаров,
 Опять их силы обновятся,
 Целебных от твоих лучев.
 Ручей проворней покатится,
 Приятней в травке зажурчит,
 В нем луч струясь твой зазвездится
 Поверхность вод позолотит.

/35/

Роса в цветочках заблестает,
 На травку мягкую падет,
 Посыплет⁴⁵ искры, засияет,
 Лучи блестящи разольет;
 И я по дневном утомленьи,⁴⁶
 Твоим сияньем оболещен,
 Засну в умильном восхищеньи⁴⁷
 Мечтой приятной упоен.

Но лишь проснусь, уж ты блистаешь⁴⁸
 Опять⁴⁹ в пылающих огнях,

---

⁴² СМ: отливаешь

⁴³ СМ: легкия

⁴⁴ СМ: светлым

⁴⁵ СМ: Разсыплет

⁴⁶ СМ: утомленьи

⁴⁷ СМ: восхищеньи

⁴⁸ СМ: опять блистаешь

⁴⁹ СМ: Уже

Свой блеск румяный⁵⁰ разливаешь
В прозрачных, сизых облаках;

Велишь туманам удалиться
И утру перлову блистать;
Велишь пернатым пробудиться,
И гласом воздух наполнять.
Вся тварь тобою оживленна
Твое пришествие гласит,
Природа вся и вся вселенна,
Твой светлый зрак стократно чтит.
/36/

Ты чувства мне, мой ум пленяешь,⁵¹
Утехи в страстно сердце льешь,
Ты томну душу оживляешь
И к новой радости зовешь!

Попугаев

РУЧЕЙ

Теки в полях между цветами,
Теки любезный мой ручей,
Виясь журчи между холмами,
Злато-кристальны токи лей.

Ты часто зеркалом бываешь
Любезной Лизиньке⁵² моей,
Красы небесны освежаешь
Алмазной часто ты струей.

Тебе случается нагую,
Нередко также Лизу зреть.

Дивлюсь, как прелесть зря такую,
Ключем нестанешь ты кипеть.

Ах! сколько счастлив ты бываешь!
Столь пред тобой несчастлив⁵³ я!
Ты милу Лизу лобызаешь,
А часть, ея не зреть, моя.⁵⁴

Попугаев

---

⁵⁰ СМ: румяной

⁵¹ СМ: Ты чувства все мой [sic! — А. К.] пленяешь

⁵² СМ: Лизаньке

⁵³ СМ: злосчастен

⁵⁴ СМ: Моя же часть, не зреть ея!

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНКИ

Разпуститесь зеленые леса,
Травка милая в лужечке покажись,
Заблести опять серебряна роса,
Горяча слеза из сердца некатись.

Я довольно уже плакала весной,
И горя темны ночки неспала
Грудь была моя всегда полна тоской,
Все я милого из Питера ждала.

Ныне, ныне мое сердце неболит,
Нестрадаю и нервуся боле я,
Мой ясен сокол ко терему летит,
Называет меня — милая моя.

Ах! приди, приди, скорей, скорей весна,
Пойте пташечки опять весна на деревьях.
Слушать песни ваши милыя одна
Я пойду с моим любезным на полях.

Сев у быстрого, тенистова ручья
В воды светлыя я онаго взгляну,
И как только протечет его струя,
Так я милому о страсти вспомяну.

СТИХИ

В ответ девице спрашивавшей
О времени и причине моей болезни.

Два дни тому как я страдаю,
Два дни как мучуся вздыхаю,
Ручьем лью слезы и стону,
Печальный рок и жизнь кляню.

Но Ах! что скорби сей виною?
Пленен я Машей дарагою,
А жар сей в нас коль станет тлеть,
Нельзя, чтоб муки не терпеть.